

УДК 94(47).08

РУМЫНЫ ЗА ДНЕСТРОМ: МОЛДАВСКАЯ АССР В РУМЫНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

М.Я. Мединец

Самарский государственный университет, г. Самара, 443011, Россия

Аннотация

В статье исследуются особенности интерпретации Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики в румынской историографии 20–40-х годов XX в., а также в современной научной и публицистической литературе Молдовы. Особое внимание уделено вопросу о том, каким образом формировалось представление о Приднестровье как о части румынской этнической территории. Обнаружено, что современные румынские историки во многом опираются на образ Молдавской АССР, который сложился в историографии межвоенной Румынии. Молдавская автономия оценивается ими противоречиво. С одной стороны, её образование соответствовало ожиданиям жителей этого региона, с другой – они в результате оказались под чужой властью. Приднестровские молдаване рассматриваются румынскими авторами как неотъемлемая часть румынской нации. При этом считается, что советские эксперименты в сфере культуры имели цель отдалить молдаван от их румынских корней. С геополитической точки зрения молдавская автономия воспринимается в качестве плацдарма для распространения коммунизма на Балканах и в первую очередь в Румынии.

Ключевые слова: Молдавская АССР, Молдова, Румыния, историография, историческая политика

Следствием событий 1917 г. стала резкая активизация национальных движений в России. Февральская революция открыла законные возможности для их деятельности, а Октябрьская способствовала их радикализации, сделав отделение окраин легитимной мерой самозащиты в глазах местных элит [1 с. 363–366]. Эти процессы затронули и регионы, населённые молдаванами (румынами)¹. После окончания Гражданской войны в России Бессарабия де-факто вошла в состав Румынии, а земли к востоку от Днестра стали частью Украинской Советской Социалистической Республики. Здесь стала осуществляться, по словам Т. Мартина, характерная для советского руководства 1920-х годов «политика положительной деятельности» (“affirmative action policy”), которая предполагала

¹ В румынской историографической и политической традиции, особенно в период, когда были написаны рассматриваемые в статье исторические произведения, молдаване рассматривались как субэтнос румынского народа, и по отношению к жителям Бессарабии и Приднестровья эти названия были взаимозаменяемыми. В настоящее время (в частности, в русскоязычной литературе) молдаване и румыны признаются разными народами (см., например, [2]). В рамках настоящей статьи используется термин «молдаване», исключение – прямое цитирование работ румынских и современных молдавских авторов.

создание союзных и автономных республик на этнической основе, поддержку их исконных культур, введение местных языков в делопроизводство, формирование национальных элит [3 с. 98, 102–103]. Важнейшим проявлением этой политики стало образование в составе Украинской ССР Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики (МАССР).

Инициатива создания молдавской автономии на левом берегу Днестра принадлежала группе коммунистов во главе с Г.И. Котовским. Большинство из них были членами румынской компартии, эмигрировавшими в СССР. Новая автономная республика должна была служить как «объект привлечения внимания и симпатий бессарабского населения» [4 с. 5] и, таким образом, способствовать возвращению Бессарабии в СССР. Благодаря поддержке этнического молдаванина М.В. Фрунзе в октябре 1924 г. III сессия Всеукраинского ЦИКа приняла Постановление «Об образовании Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики» [4 с. 10].

Что касается этнического состава новой республики и в первую очередь доли титульной нации в нём, то по этому вопросу имеются большие расхождения. Так, председатель Совета народных комиссаров Украинской ССР В.Я. Чубарь полагал, что молдаване составляют 58% от общего населения МАССР [4 с. 9]. Румынский историк Н. Йорга (1871–1940), одним из первых поднявший вопрос о молдаванах за Днестром ещё в годы Первой мировой войны, определял их общее количество в южных губерниях России в 450 тыс. человек [5, р. 3]. При этом по данным Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. молдаване преимущественно проживали в Херсонской губернии (147.2 тыс.), составляя 5.4% от населения губернии и 24.9% от общей численности населения Тираспольского уезда, западная сторона которого стала основной частью территории МАССР [6, с. 158, 165–166].

Другой румынский националист, выходец из Приднестровья и активный защитник интересов приднестровских молдаван в 1930-е годы Н. Смокинэ (1894–1980), стремясь активизировать политику Румынии на данном направлении, в своей работе «Молдавская Республика Советов» (1938) доводил это число до 70–80% [7, р. 294]. Отчасти указанные противоречия были обусловлены не только политическими интересами, но и реальными трудностями установления этнической принадлежности смешанного населения с неопределённым самосознанием [4, с. 18–19]. Наиболее объективными данными можно считать результаты Всесоюзной переписи населения 1926 г., согласно которым 30.17% жителей МАССР считают себя молдаванами [4, с. 13].

В 20-е годы одним из главных специалистов по вопросу Приднестровского региона был И. Нистор (1876–1962), историк, профессор Черновицкого университета, национальный активист. Сначала он являлся членом оргкомитета Национального собрания Буковины, принявшего решение о присоединении этой исторической области к Румынии в 1918 г., а затем занимал ряд постов в правительстве Королевства Румыния в 1930-е годы. В статье «Заднестровские румыны»² [8], напечатанной в 1925 г. издательством «Голос Бессарабии», он представляет

² Используемое в румынских и молдавских текстах слово “transnistrean” мы переводим как «заднестровский», тем самым обеспечивая идентификацию (ср. Transnistria – букв. Заднестровье).

весьма подробный обзор истории молдавского населения Днестровско-Бугского междуречья.

Вначале И. Нистор определяет численность так называемых заднеэстровских румын, опираясь на данные Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., а также исследования российских этнографов и румынских народников-активистов. Вывод из этих подсчётов следующий: «Днестр не может быть воспринимаем с точки зрения этнографии как пограничная река. Напротив, принимая во внимание румынское население, которое веками проживает на обоих берегах этого величественного потока, *Днестр* может восприниматься истинно *румынской рекой*» [8, р. 68].

Далее на основании данных таких историков, как Я. Длугош, П.Н. Батюшков, М.С. Грушевский и др., излагается история «румынского элемента» в Подолии, Галиции и Приднестровье начиная с середины XII в. В качестве иллюстраций используются народные песни [8, р. 77]. В традиционном для национальных историографий того времени духе Нистор ставит акцент на достижения исторических деятелей румынского происхождения, их культурное и хозяйственное превосходство над восточными славянами, а также на то, что они всё это время до XX в. хранили в чистоте язык и обычаи предков [8, р. 105–107].

Главными событиями XX столетия Нистор называет «пробуждение заднеэстровских румын» [8, р. 109–110] и создание молдавской автономной республики. В статье приведено большое количество оригинальных документов партийных и советских органов, описывающих процесс формирования автономии. Нистор представляет её следующим образом:

1) МАССР носит искусственный и фальшивый характер («Иные интересы, а не румынские национальные и культурные предопределили эту перемену» [8, р. 115]; «Какая огромная разница существует между... желанием заднеэстровских румын подняться из тьмы к свету и скрытыми корыстными целями советских властей, с которыми они приступили к созданию Молдавской Республики!» [8, р. 120–121]);

2) власть принадлежит «инородцам» («Из семи членов “правительства”... только двое румыны, остальные русские и один болгарин» [8, р. 125]);

3) автономия открывает перспективы дальнейших территориальных приобретений Румынии на востоке «в соответствии с принципом национальностей» [8, р. 129–130].

Вообще, противоречие между описанием МАССР как плода советских геополитических усилий и стремлением представить население региона неотъемлемой частью румынской нации постоянно присутствует в румынских публикациях 1924–1944 гг. Так, праздничные демонстрации молдаван в честь провозглашения республики Нистор изображает стихийным всплеском румынского патриотизма (несмотря даже на то, что источник, румынская газета “Universul”, сообщает и о прошедших в этот день военных парадах) [8, р. 124]. Позже, уже осенью 1942 г., в своём докладе «Геополитические и культурные аспекты Транснистрии» он называет молодых молдавских советских писателей носителями румынской национальной мысли, одновременно замечая, что только с присоединением области к Румынии молдавская культура получила настоящую свободу [9, р. 164–165].

Примерно так же представляет молдавскую автономию Н. Смокинэ в упомянутой нами статье «Молдавская Республика Советов», написанной им на основании анализа советской прессы и интервью с советскими беженцами в Румынии. Здесь подробно перечисляются молдавские сёла, оставшиеся в составе СССР [7, р. 294–295]. Советская власть, по мнению автора, покровительствует «чуждым» народам за счёт молдаван, в доказательство чего приводится факт переселения 70 тыс. жителей МАССР в отдалённые районы Сибири в 1927 г. Депортация проводилась для очистки приграничных районов в военных целях, а место выселенных должны были занять переселенцы из других республик СССР, в основном русские [7, р. 296]. Смокинэ придаёт этой операции смысл межэтнического конфликта. Данный подход к изображению МАССР будет затем развит Э. Диаконеску (1889–1978) во время Второй мировой войны.

Другое проявление чуждости республиканской власти титульному населению, ставшее общим местом в рассмотренных работах, – резко завышенное представительство евреев и дискриминация молдаван в партийных и государственных органах [7, р. 303]. Подобная информация представлена в статье Н. Поппа (1908–1989) «Заднеэстровские румыны и Молдавская Республика» (1935), где сообщается, что в составе Совета народных комиссаров республики, назначенном в октябре 1934 г., из 12 человек лишь двое молдаване, остальные – русские, украинцы и евреи [10, р. 250]. Эти данные подтверждаются и современными исследователями (см., например, [11, р. 173–174]). Между тем, описывая республику, Н. Смокинэ отмечает в ней черты национального государства. Например, 1924 г. представлен им как начало третьего в истории Румынии периода, когда граница румынской государственности сдвигается на восток от Днестра [7, р. 299].

Говоря о причинах образования МАССР, Смокинэ совмещает оба объяснения – «революционно-экспансионистское» и «национальное». Таким образом, провозглашение республики, по мысли румынского историка, отчасти явилось результатом стихийного движения молдаван, одной из целей которого было противодействие советской украинизации, угрожавшей существованию нетитульных народов [7, р. 300].

При описании быта и народных традиций Смокинэ указывает на такое необычное для румын того времени явление, как вытеснение религии из повседневной жизни [7, р. 299]. В характеристике образовательной системы автономии значительное внимание уделено школьному самоуправлению, военно-патриотическому воспитанию и многочисленным изменениям в языке преподавания [7, р. 303–305].

В заключение Смокинэ напоминает о том, насколько тяжела для молдаван жизнь в Советском Союзе, где никакая социальная группа не застрахована от репрессий, а население МАССР к тому же воспитывается в духе ненависти к «братской» Румынии. Однако автор с оптимизмом оценивает перспективы «национального возрождения» местного населения: «Когда к нам приходит кто-либо из наших соплеменников оттуда [из МАССР]... и видит свободу, братство, общность языка, веры и обычаев, он изумляется и не может этому поверить... Голос крови сильнее всяких постулатов Интернационала... Вера и терпение принесут нам победу» [7, р. 309]. Как видим, здесь надежда ещё пока

возлагается на мирную просветительскую работу и помощь беженцам, а не на военное вторжение Румынии в СССР.

Позднее, во время Второй мировой войны, когда румынские войска оккупировали Молдавскую ССР и Юго-Западную Украину, тон румынской литературы по отношению к истории МАССР ужесточился. Яркий пример того – изданная в 1942 г. книга профессора Ясского университета Э. Диаконеску «Румыны Востока: Транснистрия» [12]. Она наполнена восхвалениями румынской и немецкой армий, «освободивших... сотни тысяч румын», короля Михая и премьер-министра И. Антонеску, а также «вписавших эту славную кампанию в Транснистрию в историю народа» [12, р. 5–6, 230–233]. Большую часть труда занимают доказательства исторических прав Румынии на левобережье Днестра.

Истоки создания молдавской автономии Диаконеску, в отличие от прочих историков своего времени, видит не в большевистской политике самой по себе. Напротив, в его изложении коммунистическая идеология предстаёт частным случаем «панславистского империализма» [12, р. 200], представителями которого названы Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Ф.М. Достоевский, Я. Коллар [12, р. 201–202]. Все они, по мнению автора, стремились к покорению Балкан, а главным препятствием была Румыния – «постоянная крепость против всех угроз с Востока, предназначенная принять первый решительный удар [Красной Армии]» (в подтверждение приводятся цитаты Сталина и Ворошилова о «польско-румынской угрозе» от 1928 г.) [12, р. 206].

Сведения о доле молдаван, проживающих на территории МАССР, Диаконеску, как и другие румынские авторы, считает заниженной, а результаты советских переписей населения сфальсифицированными. Опираясь на расчёты Н. Смокинэ, он полагает, что на молдавское население в республике приходится более 80% [12, р. 218]. Повторяются обвинения в чуждости руководства республики молдавскому народу [12, р. 220], во многом заимствованные у Смокинэ. Кроме того, в книге Диаконеску утверждается концепция «непрерывной борьбы заднеэстровских румын за независимость», делающая упор на сопротивлении молдаван коммунистическому режиму (в качестве примеров приводятся крестьянские антибольшевистские восстания 1921–1922 гг., бегство молдаван в Румынию во время коллективизации) [12, р. 226].

Если обратиться к современным румынским и ориентированным на Румынию молдавским авторам, то их отношение к МАССР кратко выражает директор Бухарестской столичной библиотеки Ф. Ротару: «...Русские создали в 1924 г. фантомную республику... для того, чтобы запутать мировое общественное мнение, перед лицом которого Москва утверждала, что Румыния совершила фактически кражу территории у молдавского народа...» [13, р. III].

Многие современные авторы используют слово «плацдарм» (“*cap de pod*”) применительно к молдавской автономии. Так, оно встречается у историков Н. Енчу [14, р. 82] и Ю. Фрунташу [15, р. 154, 159], а также у занимавшего в 1990–1992 гг. должность министра внутренних дел Молдавии генерала И. Косташа [16, р. 520]. Последний в своих мемуарах «Транснистрия 1989–1992. Хроника “необъявленной” войны» (2012) сообщает, что МАССР создавалась исходя из целей мировой революции и должна была служить как средство завоевания не только Румынии, но и Польши, Болгарии, Югославии [16, р. 521].

Для директора Центра изучения тоталитаризма Государственного университета Молдовы И. Кашу учреждение Молдавской АССР представляет собой сочетание двух начал в советской политике: геополитического империализма и коренизации. Целью создания республики прямо называется обоснование претензий СССР на Бессарабию с помощью этнических аргументов: «...Идея образования МАССР состояла в том, чтобы показать, как Бухарест разделил народ, проживающий по обоим берегам Днестра, а СССР претендует на Бессарабию лишь для того, чтобы восстановить единство молдавского народа...» [17, с. 126]. Сравнение роли молдавской автономии по отношению к Румынии с ролью Украинской и Белорусской ССР по отношению к Польше популярно среди историков-унионистов (см., например, [14, р. 80; 15, р. 147]).

В современной молдавской историографии именно анализ репрессивной политики сталинского режима доминирует при изучении МАССР и популяризации её истории. Так, Н. Енчу отмечает, что около 2 тыс. семей «кулаков», живших в республике в начале 30-х годов, были высланы оттуда на Север и в Сибирь, а голод 1932–1933 гг. привёл к гибели около 20 тыс. человек [14, р. 85]. При описании этой трагедии подчёркивается следующее: население МАССР бежало от голода в Румынию, но советские пограничники пытались насильственно остановить беженцев, «расстреливая их из пулемётов десятками, сотнями» [14, р. 89]. В частности, в феврале 1932 г. были убиты 40 человек, пытавшихся перейти границу, что автор называет «настоящей кровавой баней» [14, р. 86]. В книгу помещены длинные отрывки из «меморандума заднестровских румын для Лиги Наций», а также речи министра финансов Румынии, относящиеся к 1932 г. и описывающие ужасы советской коллективизации в Приднестровье.

Помимо этого, большое место в труде Енчу занимают темы, связанные с политическим террором в Молдавской АССР 1930-х годов, депортациями коренного населения, закрытием церквей и расправами над священниками (из 1017 церквей, существовавших в 1917 г. на территории между Днестром и Южным Бугом, к 1941 г. осталась только одна – в Одессе [14, р. 90–91]).

В отношении национальной и культурной политики все прорумынские авторы подвергают критике курс «молдаванизации», проводившийся в Молдавской АССР. Ю. Фрунташу рассматривает его одновременно как приложение к региону общесоветской политики коренизации и как первую ступень к украинизации румынского населения Приднестровья [15, р. 146]. По мнению историка, молдаване этого региона оказались под властью «украинского национал-коммунизма» [15, р. 126]. Система образования в МАССР обвиняется в том, что «в румынских школах не культивировались ни румынский язык и культура, ни национальные чувства» [15, р. 87]. Использование кириллицы в преподавании ещё более отдаляло молдаван МАССР от «родины-матери». Латинизация алфавита в 1932 г. одобряется автором, но при этом им делаются замечания, что наиболее вероятной её причиной могло быть временное возрождение надежд большевистского руководства на близкую мировую революцию [15, р. 152]. Впрочем, в мае 1938 г. кириллица была возвращена, а латинизаторы объявлены агентами «буржуазной Румынии» и репрессированы. По мнению Фрунташу, очередное изменение языковой политики советских властей вызвано переходом к изоляционизму и стремлением ускорить русификацию неславянских народов СССР [15, р. 153].

Итак, образ Молдавской АССР, сложившийся в историографии межвоенной Румынии, во многом унаследован современными румынскими авторами. Его формируют следующие характеристики. Во-первых, молдаване, живущие в Приднестровье, рассматриваются как неотъемлемая часть румынской нации; при этом их доля в населении МАССР завышается. Во-вторых, оценка республики противоречива: её создание соответствовало чаяниям приднестровских молдаван, которые, однако, оказались под чужой властью. По мнению румынских историков, советские эксперименты в сфере культуры имели целью отдалить молдаван от «румынского рода» и исторических корней. Наконец, в-третьих, с геополитической точки зрения автономия воспринимается как «плацдарм коммунистической агрессии», направленный на Балканы и в первую очередь на Румынию.

Литература

1. *Кушко А., Таки В.* Бессарабия в составе Российской империи, 1812–1917. – М.: Нов. лит. обозрение, 2012. – 393 с.
2. Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX – начало XXI вв.): Сб. докл. междунар. науч. конф. / Под ред. В.Б. Каширина. – М.: Рос. ин-т стратегич. исслед., 2011. – 318 с.
3. *Мартин Т.* Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 88–116.
4. *Галущенко О.С.* Население Молдавской АССР (1924–1940 гг.). – Кишинёв: Тип. Акад. наук, 2001. – 48 с.
5. *Iorga N.* Româniile de peste Nistru. Lămuriri pentru a-i ajuta în lupta lor. – Iași: Tipografia ziarului “Neamul Românesc”, 1918. – 48 p.
6. *Зеленчук В.С.* Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (этнические и социально-демографические процессы). – Кишинёв: Штиинца, 1979. – 287 с.
7. *Smochină N.P.* Republica Moldovenească a Sovietelor // Românitătea transnistriană: Antologie / Ed. F. Rotaru. – București: Semne, 1996. – P. 294–309.
8. *Nistor I.* Româniile transnistrieni // Românitătea transnistriană: Antologie / Ed. F. Rotaru. – București: Semne, 1996. – P. 67–137.
9. *Nistor I.* Aspecte geopolitice și culturale din Transnistria // Românitătea transnistriană: Antologie / Ed. F. Rotaru. – București: Semne, 1996. – P. 150–185.
10. *Popp N.M.* Româniile transnistrieni și Republica Moldovenească // Românitătea transnistriană: Antologie / Ed. F. Rotaru. – București: Semne, 1996. – P. 239–253.
11. *King Ch.* The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture. – Stanford: Hoover Inst. Press, 2000. – 303 p.
12. *Diaconescu E.* Româniile din Răsărit: Transnistria. – Iași: Institutul de Arte Grafice și Editură Ath. Gheorghiu, 1942. – 243 p.
13. *Rotaru F.* Argument editorial // Românitătea transnistriană: Antologie / Ed. F. Rotaru. – București: Semne, 1996. – P. I–VI.
14. *Enciu N.* Istoria Românilor. Epoca contemporană. – Chișinău: Civitas, 2004. – 184 p.
15. *Fruntașu I.* O istorie etnopolitică a Basarabiei (1812–2002). – Chișinău: Cartier, 2002. – 624 p.

16. *Costaş I.* Transnistria 1989–1992. Cronica unui război “nedeclarat”. – Bucureşti: RAO CLASS, 2012. – 696 p.
17. *Кашу И.* Был ли Советский Союз империей? Взгляд из Кишинёва / Пер. с англ. П. Серебряного // Неприкосновенный запас: дебаты о культуре и политике– 2011. – № 4. – С. 123–134.

Поступила в редакцию
20.10.15

Мединец Михаил Яковлевич, аспирант кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения

Самарский государственный университет
ул. акад. Павлова, д. 1, г. Самара, 443011, Россия
E-mail: mmedinec@mail.ru

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 6, pp. 1533–1540

**Romanians beyond the Dniester River:
The Moldavian ASSR in Romanian Historiography**

M.Ya. Medinets

Samara State University, Samara, 443011 Russia
E-mail: mmedinec@mail.ru

Received October 20, 2015

Abstract

This paper analyzes the interpretation of the Moldavian Autonomous Soviet Socialist Republic in the Romanian historiography of the 1920s – 1940s, as well as in contemporary academic and publicistic literature of Moldova. Special attention has been paid to the problem of how the concept of Transdnistria as a part of the Romanian ethnic territory developed. Furthermore, the understanding of the USSR policy concerning this region by Romanian historians has been investigated. It has been found that today's Romanian historians rely mainly on the image of the Moldavian ASSR that developed in the historiography of interwar Romania. They have controversial opinions on the Moldavian autonomy. On the one hand, its establishment lived up to the expectations of the residents in this region. On the other hand, they turned out to be placed under the alien power. Romanian authors consider Transdnistria Moldovans as an integral part of the Romanian nation, believing that the Soviet experiments in the sphere of culture were meant to distance Moldovans from their Romanian origin. In the political perspective, the Moldavian autonomy is perceived as a platform for spread of communism in the Balkan area, primarily in Romania.

Keywords: Moldavian ASSR, Moldova, Romania, historiography, historical policy

⟨ *Для цитирования:* Мединец М.Я. Румыны за Днестром: Молдавская АССР в румынской историографии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 6. – С. 1533–1540. ⟩

⟨ *For citation:* Medinets M.Ya. Romanians beyond the Dniester River: The Moldavian ASSR in Romanian historiography. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 6, pp. 1533–1540. (In Russian) ⟩